

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДОВАНИЯ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

LEGAL REGULATION OF INHERITANCE OF SUBSIDIARY LIABILITY IN BANKRUPTCY

T. Morozova

Summary. In the course of the conducted research, modern issues and directions of the evolution of the sphere of subsidiary liability, which is applied in the context of bankruptcy, are studied. The aspects of legal regulation of inheritance of subsidiary liability in bankruptcy are highlighted. Examples of legal practice are presented. The review of theoretical information on this problem is carried out, the author's conclusions are formulated.

Keywords: heir, subsidiary liability, bankruptcy, creditor, debt, court.

Морозова Татьяна Борисовна

Аспирант, Российский университет дружбы народов
tanya197599@mail.ru

Аннотация. В ходе проведенного исследования произведено изучение современных вопросов и направлений эволюции сферы субсидиарной ответственности, которая применяется в контексте банкротства. Выделены аспекты правового регулирования наследования субсидиарной ответственности при банкротстве. Представлены примеры юридической практики. Выполнен обзор теоретических сведений по данной проблеме, сформулированы авторские выводы.

Ключевые слова: наследник, субсидиарная ответственность, банкротство, кредитор, долг, суд.

Введение

В контексте процедур банкротства (далее ПБ), применяются не только традиционные формы юридической ответственности, такие как гражданская, уголовная и административная, но также и ее уникальные виды, установленные законодательством о ПБ. В этой области особенно активно развивается механизм субсидиарной ответственности (далее СО) для лиц, осуществляющих контроль за должником, что делает его одним из наиболее быстро прогрессирующих аспектов в области регулирования ПБ.

Целью исследования является изучение особенностей правового регулирования наследования СО при ПБ.

Материалы и методы исследования

Анализ научно-практических исследований, обобщение, синтез мнений, сравнительный анализ, системный, структурный, описательный подход.

Результаты исследования

Когда предприятие объявляется банкротом, это обычно означает, что права тех, кто предоставлял займ, оказываются под угрозой. Из-за этого законы специально разработаны для того, чтобы обеспечивать защиту интересов кредитующих лиц. Однако, несмотря на усилия по защите, шансы на то, что они смогут вернуть свои средства в полном объеме в организации ПБ, остаются невысокими. Анализ показывает, что большинству кредиторов не удается добиться полного удовлетворения

своих финансовых требований после процедур, связанных с ликвидацией должника. Одним из необычных методов, позволяющих обеспечить выполнение требований, является вовлечение в процесс СО высшего руководства или контролирующего должностного лица (далее КДЛ) за долги компании. Этот подход позволяет отойти от традиционного принципа, согласно которому только само предприятие несет ответственность за свои обязательства. Основная идея состоит в том, что в случаях, когда выявляются противоправные действия руководителей, влиявших на решения компании в преддверии банкротства, с них можно взыскать долги организации [14].

Вопросы, связанные с СО для КДЛ в ПБ компаний, приобрели особую актуальность с 2017 года. Именно тогда вступили в силу масштабные поправки к Закону «О несостоятельности (банкротстве)» (ФЗ от 28.12.2016 № 488-ФЗ), которые значительно усложнили жизнь директоров и акционеров банкротных предприятий и фактически запустили этот механизм [1].

Витвинин П.В. утверждает, что применение СО критически важно для компенсации ущерба, который кредитор несет в случае невыполнения обязательств должником. В дискуссиях, ведущихся в рамках юридической науки, высказывается мнение, что СО не следует рассматривать как традиционную форму юридических обязательств, а скорее как метод восстановления финансовых потерь. Тем не менее, важно подчеркнуть, что СО представляет собой уникальный вид ответственности в рамках гражданского права (далее ГП), обладающий специфическими характеристиками, такими как условия

возникновения, объем компенсации за ущерб и предельные сроки исполнения. Следовательно, в контексте ГП, существует особенный механизм поручительства, который уполномочивает требовать уплаты долга от лица, управляющего деятельностью должника, когда последний оказывается неспособен выплатить задолженность самостоятельно [8].

В последние годы, практика привлечения КДЛ к СО, инициированная Верховным Судом Российской Федерации (далее ВС), не только стала более детализированной, но и постоянно расширяется. Основаниями для отказа в удовлетворении требований кредиторов зачастую становятся как изменения в экономическом ландшафте, так и внутренние проблемы корпораций, включая неэффективное руководство, сокращение объемов производства и продаж, рост задолженности, а также неправомерное изъятие активов в пользу конкретных лиц. Именно эти обстоятельства подтолкнули к необходимости укрепления защиты прав и интересов кредиторов. На начальных стадиях формирования правовой системы возникла необходимость в мерах, которые бы поддерживали надлежащее исполнение обязанностей должниками. Это привело законодателей к созданию дополнительных правовых инструментов, обеспечивающих такую поддержку в виде субсидиарных обязательств. Е.А. Суханов утверждает, что дополнительная ответственность играет основополагающую роль в укреплении защиты интересов кредитора, действуя в качестве поддержки основной гарантии, которая лежит на нарушителе перед потерпевшим. Важно подчеркнуть, что не всегда лицо, несущее ответственность, должно наносить материальный ущерб, или даже сам факт нарушения может отсутствовать, как в случае с поручителем или субсидиарно ответственным лицом за должника, упомянутым в статье 363 Гражданского кодекса (далее ГК) РФ. Особенность гражданско-правовой ответственности в данном случае заключается в стремлении КДЛ к компенсации [11].

Чтобы уравновесить права и обязательства между кредиторами и должником, крайне важно разработать действенную систему для наложения СО. В этом контексте значительный вклад вносят решения и направления, определенные ВС РФ, которые формируют общую опытную базу в данной области. В частности, обзор судебной практики, принятый Пленумом ВС РФ в 2016 году, который касается роли налоговых органов в ПБ, способствовал разрешению многочисленных дискуссий и неопределенностей. Дополнительно, решением Пленума ВС от 21 декабря 2017 года № 53 [2] (далее №53), были уточнены аспекты привлечения к ответственности КДЛ, что подчеркивает стремление к совершенствованию нормативной базы в этой сфере [10].

В начале стоит подчеркнуть, что судебные органы должны обращать особое внимание на то, что когда

используется определённый метод, необходимо принимать в расчёт не только отдельную характеристику юридического субъекта, которая подразумевает его способность иметь собственное имущество и нести за него ответственность, но и признавать право участников корпораций, основателей унитарных предприятий и других лиц, включённых в управленческие структуры, что воздействует на широкий выбор в оценке и одобрении бизнес-инициатив. При этом крайне важно соблюдение запрета на действия, которые могут привести к ущербу для независимых участников рынка. Во-вторых, получила свое развитие новелла — доктрина «прокалывания корпоративной вуали» при рассмотрении дел о привлечении к ответственности лиц, контролирующих должника [1].

В этом контексте привлекает внимание ситуация, когда в судебном порядке на аффилированное лицо, определённое таковым не в контексте ПБ, была возложена СО. Помимо этого, долги по страховым взносам были отнесены ко второму уровню приоритетности платежей, а сам должник получил разрешение на продолжение своей коммерческой деятельности во время ПБ [4].

Отдельно стоит отметить, что процесс привлечения к СО сопряжён с рядом сложностей, часто возникающих из-за невозможности предоставления прямых доказательств по объективным причинам. Из-за отсутствия письменной поддержки для их аргументов и склонности руководящих и контролирующих органов скрывать информацию о своем статусе, текущей ситуации и фактических операциях, возникает необходимость учитывать набор взаимосвязанных косвенных улик, что основано на анализе поведения указанных индивидов и групп [5].

В конце 2019 года, 16 декабря, произошло знаковое событие в юридической практике, когда ВС РФ принял решение (№ 303-ЭС19-15056) [6], которое значительно изменило привычные подходы в судопроизводстве. В центре этого исторического решения находился вопрос о возможности расширения круга лиц, несущих СО за долги компании, обанкротившейся, включая в этот круг не только директора, но и членов его семьи.

В случае, зарегистрированном под номером А40-103299/21, кассационная инстанция аннулировала решение апелляционного суда о закрытии разбирательства, связанного с апелляционной жалобой из-за смерти ответчика. Вместо этого было вынесено указание временно приостановить процесс до момента официального вступления наследующих лиц (далее НЛ) в права, после чего требовалось продолжить рассмотрение дела до вынесения окончательного вердикта.

В поддержку этой директивы выступил и Арбитражный суд Западно-Сибирского округа по делу № А75-

15796/17, где была признана законность перехода прав НЛ погибшего руководителя должника. В данном случае, ключевым аргументом стало подтверждение факта принятия наследства сыновьями покойного.

В случае, пронумерованном как Дело № А60-65929/18 в Уральском округе, судебные инстанции приняли решение о взыскании СО с НЛ бывшего единоличного исполнительного органа банка. Решение было основано на факте одобрения им сделок с организациями, находящимися под его контролем, что привело к невыгодным последствиям для банка без должного обеспечения обязательств.

В отдельном случае, Дело под номером А13-8133/16, кассационная инстанция отклонила запрос о прекращении дела на основании кассационной жалобы, связанной с отказом в возложении СО на руководителя из-за просроченного срока подачи иска. ВС подчеркнул, что ошибка судов первой и второй инстанций касательно срока исковой давности была очевидна, особенно учитывая потенциальное правопреемство НЛ в данном споре.

В случае, обозначенном как А60-31145/16, заявление было отклонено судебными инстанциями. Это произошло вследствие того, что потенциальные НЛ решили не претендовать на наследство: они не подавали заявлений о его принятии, и, соответственно, никакого подтверждения права на наследство в виде свидетельства им не выдавалось [13].

Целью данной стратегии является обеспечение того, чтобы наследуемое имущество, полученное незаконным образом за счет средств кредиторов, не переходило в руки НЛ. Предоставление иммунитета такой собственности от требований кредиторов было бы нарушением принципов справедливости. Следовательно, в отличие от полной ответственности наследодателя, которая распространяется на все его активы, НЛ несут обязательства лишь в пределах стоимости унаследованных активов. Это подчеркивает важную концепцию ограниченной ответственности НЛ за долги предшественника.

В свете вопросов, касающихся наследования, интересно, что происходит, когда в наследство не попадает собственность, приобретенная наследодателем за счет кредиторов в результате действий, которые можно расценить как незаконные. То есть, если активы или денежные средства, нажитые должником без участия кредиторов, не становятся частью наследственной массы, каким образом осуществляется процесс наследования? Практика показывает, что наличие или отсутствие в данном договоре имущества, полученного в результате недобросовестных действий, не играет решающей роли. Это указывает на то, что важным аспектом является сам факт наследования, а не конкретные обстоятельства

приобретения имущества наследодателем, включая случаи, связанные с СО. Факт того, что долг наследодателя не был известен во время открытия наследства, не мешает взысканию этого долга с субститута. Это включает не только долги с уже наступившими сроками погашения, но и любые другие обязательства, которые не исчезают после смерти должника. В соответствии с пунктом 58 Постановления №9, НЛ также несут риск за долги, которые могут потребовать от них конкретного выполнения обязательств. Это подчеркивает важность тщательного планирования наследственных дел, чтобы минимизировать финансовые потери для кредиторов [9].

Примером неудачной попытки перекалывания СО на НО. Так, компания «РН-Востокнефтепродукт» подала иск через арбитражный суд в марте 2018 года о взыскании свыше двухсот миллионов рублей по ПБ с нескольких лиц, включая трех НЛ умершего владельца корпорации. Однако Арбитражный суд Амурской области отклонил заявление, посчитав, что долги были прямо связаны с личными обязательствами бывшего руководства, а не с его наследниками. ВС встал на сторону кредитора, рассматривая кассационную жалобу от «РН-Востокнефтепродукт», и подчеркнул важность вопроса о включении долга, возникшего из-за привлечения наследодателя к ответственности за банкротство связанной с ним организации, в состав наследства. Это решение противоречило мнению апелляционных и районных судов, которые ранее утверждали, что обязанности по урегулированию долгов не могут переходить к НЛ, аргументируя свою позицию статьей 399 ГК и классифицируя такие обязательства как: неотносящиеся к делу о вреде.

В ответ на вопрос, ВС уточнил, что наследственная масса обычно включает в себя как активы, так и пассивы умершего, за некоторыми исключениями. Исключения эти заключаются в тех случаях, когда права и обязательства покойного тесно связаны с его личностью или же когда закон прямо запрещает передачу данных прав и обязательств по наследству. Это устанавливается статьями 418 и 1112 ГК, а также пунктом 15 Постановления Пленума ВС РФ от 29 мая 2012 года № 9 [3], касающимся судебной практики в деле о наследованиях. Кроме того, ВС выделил, что СО, возникающая за долги наследодателя, является частью гражданско-правовой ответственности и связана с возмещением ущерба кредиторам в случае нарушения имущественных прав со стороны должника [12].

Обсуждение и выводы

В контексте ПБ, благодаря подходу ВС, склонному отдавать предпочтение в пользу кредиторов, НЛ оказываются в дискомфортном положении, проигрывая в возможностях представления своих интересов в сравнении

с деловыми партнерами умершего. Последние чаще всего имеют лучшие шансы для обоснования своих требований и предъявления необходимых доказательств. Существующие законодательные нормы, вместо того чтобы содействовать установлению равноправия сторон, только углубляют существующий разрыв.

Важно подчеркнуть уникальные предположения, присущие только области ПБ, которые отличают её от других видов ответственности, связанных с правонарушениями. В рамках законодательства о ПБ, определённые факторы могут считаться установленными без необходимости доказывания, если не будет предъявлено контраргументов. Это касается как факта контроля

над должником, так и наличия вины, а также причинно-следственной связи между действиями и финансовым ущербом. В контексте ПБ ущерб представлен невыполненными обязательствами перед кредиторами, что является неизбежным. Особо критичной стороной является возложение ответственности на наследодателей, что выделяется как наиболее спорный аспект, в сравнении с другими элементами ПБ. Автоматическое обновление статуса контролирующего лица приводит к последующей корректировке статуса должника. На наш взгляд, максимальное удовлетворение потребностей всех сторон будет достигнуто через применение уравновешенной и адаптивной системы регуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // *Собрание законодательства РФ*. — 2017. — № 31 (ч. I). — Ст. 4815.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 27.06.2024).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 27.06.2024).
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 августа 2018 г. по делу № А22-941/2006 [Электронный ресурс] // Доступ: <https://sudact.ru/vsrf/doc/LFRbhWqQ0Sow/> (Дата обращения: 27.06.2024).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.02.2018 N 302-ЭС14-1472(4,5,7) по делу NA33-1677/2013 [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 27.06.2024).
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.12.2019 N 303-ЭС19-15056 по делу N A04-7886/2016. [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (Дата обращения: 27.06.2024).
7. Будылин, С.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России / С.Л. Будылин, Ю.Л. Иванец // *Вестник ВАС РФ*. — 2013. — № 7.
8. Витвинин, П.В. Актуальные проблемы субсидиарной ответственности в гражданском праве / П.В. Витвинин // *Актуальные проблемы юриспруденции*. — 2017. — № 2(2). — С. 26–29.
9. Возможен ли переход субсидиарной ответственности по наследству? // *Клерк: [сайт]*. — URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/481038/> (дата обращения: 07.06.2024).
10. Корсунова, А.С. Некоторые аспекты наследственного права в банкротстве: правопреемство в обязательствах из субсидиарной ответственности / А.С. Корсунова, А.А. Марьяна // *Право и государство: теория и практика*. — 2023. — № 2(218). — С. 148–151. — DOI 10.47643/1815-1337_2023_2_148.
11. Свириденко, О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника / О.М. Свириденко // *Lex Russica*. — 2018. — № 12(145). — С. 18–24. — DOI 10.17803/1729-5920.2018.145.12.018-024.
12. Субсидиарная наследственность: каковы тенденции судебной практики? // *РусБанкрот: [сайт]*. — URL: <https://rusbankrot.ru/bankruptcy-and-liquidation/subsidiarka-po-nasledstvu-kakovy-tendentsii-sudebnoy-praktiki/> (дата обращения: 07.06.2024).
13. Субсидиарная ответственность в банкротстве // *ТюмГУ: [сайт]*. — URL: https://elib.utmn.ru/jspui/bitstream/ru-tsu/22475/1/TverdokhlebovaIA_2022.pdf (дата обращения: 07.06.2024).
14. Суханов, Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. — Москва: Статут, 2014. — 456 с.

© Морозова Татьяна Борисовна (tanya197599@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»